

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ КАК ТОТАЛИТАРНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Аннотация

В статье рассматривается феномен политической корректности в качестве всеобъемлющей идеологии. Автор видит противоречие в том, что этот феномен распространен в западных демократических открытых обществах, будучи характерным для тоталитарных закрытых обществ. Исходя из концепции историцизма и универсальной толерантности, обосновывается опасность политкорректности для рационального независимого мышления.

Ключевые слова: политическая корректность, толерантность, идеология, ценности, открытое общество, историцизм.

Автор

Никонов Арсений Семенович

Студент факультета мировой политики
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Тема всеобщего равенства на протяжении развития западной мысли никогда полностью не покидала политическое пространство. В середине XX века эта идея, получив новый импульс, вновь встала во главу угла. Политическая корректность в настоящее время является эссенцией дискурса равенства. Однако важность такого, прежде всего, политического феномена заключается не столько в провозглашаемых идеях, сколько в практиках их реализации.

«Политкорректность — это идеология современной массовой демократии, служащая <...> подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса» [3. — С. 3]. Для лучшего понимания сути данного феномена можно обратиться к известной, сохраняющей острую актуальность, методологически глубокой работе М. Вебера «Политика как призвание и профессия», где он размышляет о том, «каким надо быть человеку, чтобы ему позволительно было возложить руку на спицы колеса истории» [1. —

С. 690]. Любой, «кто хочет заниматься политикой вообще и сделать ее своей единственной профессией, должен осознавать <...> этические парадоксы и свою ответственность за то, что под их влиянием получится из него самого» [1. — С. 703]. Суть парадокса в том, что «гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви, в том числе и христианским Богом <...> напряжении, которое в любой момент может разразиться непримиримым конфликтом» [1. — С. 703]. Приняв эту мысль М. Вебера за исходный методологический посыл, рассмотрим современное понимание политической корректности. Она претендует на контроль за правильностью взглядов людей, исключает оценочные суждения, наказывает тех, кто не следует ее идеалам равенства, претендует на исключительность, стремится установить всеобщую толерантность. Политкорректность также предоставляет возможность найти ответы на экзистенциальные вопросы, с которыми сталкивается человек. Единственное,

что нужно сделать, — это принять ее ценности. Не отсылают ли такие характеристики к тоталитарной идеологии?

Можно прийти к неожиданным выводам, если рассмотреть этот феномен в контексте закрытых и открытых обществ Карла Поппера. «Племенное или коллективистское общество мы будем именовать закрытым обществом, а общество, в котором индивидуумы вынуждены принимать личные решения, — открытым обществом» [5. — С. 218]. В первом индивид отказывается в полной власти “целого”, где его жизнь подвергается постоянному контролю со стороны общества и где иметь собственное мнение несвойственно. Во втором, наоборот, личность свободна от любых предрассудков, несет ответственность за свои действия и способна критически мыслить. Парадокс состоит в том, что политическая корректность как языковая практика преобладает в дискурсе западного региона, в котором страны исторически построены на принципах открытого общества. Данный феномен не соответствует его критериям: ему присущи нормы и правила, не подлежащие рефлексии, они принимаются как данность. Если человек высказывает суждения, не вписывающиеся в дискурс политической корректности, то дальнейшая дискуссия пресекается, а сам человек может подвергнуться остракизму. Открытое общество строится на рациональном обсуждении проблем, а не их герметизации, когда существуют темы-табу, высказавшись по которым человек будет осужден. Таким образом, политическая корректность устанавливает свой непоколебимый критерий нравственности. Все, что ему угрожает, — “порок”, все, что содействует, — “добродетель”. Этот принцип говорит о преобладании тоталитарной морали, о ее иррациональном характере, так как пресекается возможность даже рационального обсуждения. Для открытого общества это неприемлемо, так как требование признания авторитета без возможности

рационализации и рефлексии его идей означало бы «конец моральной ответственности личности и послужило бы разрушению, а не совершенствованию морали. Такое требование заменило бы личную ответственность родовыми табу и тоталитаристской безответственностью личности» [5. — С. 153].

Табуированное сознание оберегает человека от непредсказуемости и жестокости реального мира, давая возможность снять с себя лишнюю ответственность. «Этим объясняется стремление философов спроектировать и обосновать общественный идеал, в котором индивид снова обретет утраченную опору в некоей тотальной социальной реальности. Согласно Попперу, такой идеал Гесиод и Платон увидели в “золотом веке”, Гегель в современной ему прусской монархии, а Маркс — в коммунистическом будущем» [2. — С. 142]. Именно эти идеалы общественного устройства Карл Поппер критикует в книге «Открытое общество и его враги», прибегая к такому подходу изучения истории, как историцизм. Еще раз подчеркивая значение независимого и рационального мышления, автор считает, что «только сам человек в процессе деятельности вправе определять, обосновывать или критически изменять ее [истории. — А.Н.] смысл, переопределяя вместе с тем свое отношение к смыслу истории» [5. — С. 488]. Сейчас общество создало себе новый смысл истории — достижение всеобщего равенства. При следовании каким-либо историческим законам или predetermined идеалам общественное развитие неизбежно становится зависимым от них. Историцизм «...видит главную задачу социальных наук в историческом предсказании. Задача эта решается, когда в основе исторической эволюции усматривают “ритмы”, “схемы”, “законы” или “тенденции”» [6. — С. 10]. Отвергается значение человека в прогрессе, историцизм заковывает индивида в тиски, признавая его бессилие. «Этот

подход неизбежно влечет за собой отрицание применимости науки или разума к проблемам общественной жизни и в конечном счете приводит к доктрине власти, доктрине господства и подчинения» [5. — С. 35]. Таким образом, историцизм является очевидным противником открытого общества, поскольку неукоснительное стремление к идеалам или действия людей в рамках объективных исторических закономерностей подавляют индивидуализм, способствуют индоктринации сознания и контролю соответствия поведения человека установленным смыслом истории. «Не может быть ни одного исторического факта, который противоречил бы свойствам человека или совершался бы помимо него» [7. — С. 518–520].

Политическая корректность придает истории свой смысл, требуя при этом равенства посредством имплементации элементов дискурса и принципов толерантности. Однако эта толерантность не должна быть “слепой”, следует включать в диалог и социальное взаимодействие всех членов общества. «Участники должны всякий раз принимать во внимание видение другой стороны, если им необходимо совместно договариваться об условиях, при которых они намереваются проявлять взаимную толерантность» [8. — С. 2]. В противном случае толерантность будет осуществляться в одностороннем порядке, исключая всех, кто не придерживается ее принципов. Введенный Карлом Поппером термин “парадокс терпимости” описывает ситуацию, когда «неограниченная терпимость должна привести к нетерпимости» [4. — С. 9]. Это связывается с проявлением толерантности к нетолерантным. Первые «должны претендовать на право подавить их [нетолерантных. — А.Н.], если необходимо, даже силой; поскольку легко может оказаться, что они не готовы встретиться с нами на уровне рациональных аргументов, но начнут с осуждения всех аргументов; они могут

запретить своим последователям выслушивать рациональные аргументы, потому что они обманчивы, и научить их отвечать на аргументы с помощью кулаков или пистолетов. Поэтому во имя терпимости мы должны требовать права не терпеть нетерпимых» [5. — С. 377].

Таким образом, если обе стороны придерживаются рациональности и осмысленности в своих суждениях, то возможность создания и поддержания толерантного общества существует. Эти критерии выступают в качестве некой защиты от произвольного исключения людей на основании их нетерпимости. Данный вид рациональной толерантности устанавливает ее пределы и субъектов, чего нельзя сказать о политкорректной толерантности, которая применяется абсолютно ко всем. Это также выступает проявлением всеобъемлющей идеи, которая диктует определенные, подчас невыполнимые правила поведения. Рассматривая всеобщую толерантность как непреложное правило, невозможно примирить интересы враждующих сторон. У людей возникает когнитивный диссонанс, когда политическая корректность требует низвести их противоположные и несовместимые ценности и взгляды на жизнь. «Расисту следует не становиться толерантным, а преодолеть свой расизм. В этом, и в аналогичных случаях мы осуществляем критику предрассудков и предубеждений и боремся против дискриминации, а не за “толерантность”» [10. — С. 5]. Философ Райан Форст утверждает, что толерантность может появиться только при отсутствии дискриминации на любых основаниях. Все ценности и мировоззрения имеют право на существование лишь при том условии, когда все члены общества на равных условиях смогут вести свою жизнь. «Только критерий недопущения дискриминации создает моральные и правовые основы взаимоотношений граждан, которые оказываются сильнее всяких доводов

к отвержению терпимых в нем убеждений и воззрений других. На этой основе нормативного соответствия притупляется конфликтный потенциал продолжающих существовать на когнитивном уровне противоречий между конкурирующими видениями мира в социальном измерении гражданского равенства» [10. — С. 6].

Политическая корректность желает привнести равенство и толерантность во всех страны, не беря в расчет ни культурные, ни экономические, ни исторические факторы. Герберт Маркузе также считал, что толерантность может существовать только универсальная, которая будет касаться любого члена общества. «Универсальная толерантность становится сомнительной, когда рациональное основание исчезает и толерантность предписывается манипулируемым и индоктринируемым индивидам, которые, как попугаи, повторяют мнения своих хозяев и свою гетерономию считают автономией» [9. — С. 84]. Следовательно, люди, которые не осмысливают свою толерантность, а лишь следуют идеалам политической корректности и смыслу истории как

достижению всеобщего равенства, не только не могут преодолеть свой когнитивный диссонанс, но и не могут считаться автономными. От человека требуется лишь одно — потерять свою индивидуальность. Политическая корректность не позволяет выносить ценностных суждений, так как тогда в дискурс могут вноситься предрассудки людей. Следовательно, оказывается очень сложно определить этическую систему, которую от людей требует политкорректность. Человеку сначала запрещают высказывать отличающуюся от иных позицию под угрозой осуждения, а потом не оставляют ему выбора, кроме как принять всеобщие ценности равенства. «Проблема, таким образом, заключается <...> в том, чтобы сокрушить тиранию общественного мнения и его изготовителей в закрытом обществе» [9. — С. 106].

Таким образом, цели политической корректности расходятся с результатами ее применения. Стремление к равенству, характерное для современного западноевропейского общества, необходимо переосмыслить и найти более эффективный способ осуществления этой тенденции.

Литература

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
2. Дзема А.И. Философско-исторические основания теории «открытого общества» Карла Поппера: Дисс. ... канд. филос. наук. — Кубанский государственный университет, 2005. — 156 с.
3. Ионин Л. Политкорректность: дивный новый мир. — М.: Ad Marginem, 2013. — 112 с.
4. Мукомель В.И., Паун Э.А. Толерантность против ксенофобий. — М.: Институт социологии РАН, Academia, 2005. — 188 с.
5. Поппер К. Открытое общество и его враги / Пер. с англ., под общ. ред. В.Н. Садовского / К.Р. Поппер: В 2 т. — Т. 1. — М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. — 448 с.
6. Поппер К. Нищета историцизма. — М.: Прогресс, 1993. — 188 с.
7. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
8. Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий // Социологические исследования. — 2006. — № 1. — С. 45–53.
9. Marcuse H. Repressive Tolerance. — Boston: Beacon Press, 1970. — 123 p.
10. Forst R. Der schmale Grat zwischen Ablehnung und Akzeptanz // Frankfurter Rundschau. — 18.12.2001. — P. 20.